

А.П. Беляев

**Воспоминания декабриста о пережитом и
перечувствованном**

1805-1850

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

A11   **А.П. Беляев**
Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном: 1805-1850 / А.П. Беляев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 512 с.

ISBN 978-5-518-05865-1

ISBN 978-5-518-05865-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Можетъ показаться страннымъ и, пожалуй, самона-
дѣяннымъ издавать свои Воспоминанія или, все тоже,
свою жизнь ничего незначущему человѣку.

Но если этотъ человѣкъ родился въ первыхъ годахъ
этого столѣтія и еще живеть въ послѣдней его четверти,
то это показываетъ, что онъ довольно жилъ, а если къ
этому онъ много испыталъ и много видѣлъ и размыши-
лялъ о проходившихъ передъ его глазами необыденныхъ
явленіяхъ, уже ставшихъ исторіей, то думаю, что Вос-
поминанія такого, хотя ничтожнаго, человѣка могутъ
показаться небезъинтересными для людей мыслящихъ
и любознательныхъ.

Онъ небезъинтересны уже потому, что перенесутъ
читателя во времена Александра I-го, теперь уже до-
вольно отдаленныя, напомнить нѣсколько о людяхъ той
эпохи, познакомить нѣсколько съ духомъ того времени,
съ тогдашнимъ воспитаніемъ въ казенныхъ учебныхъ
зведеніяхъ, съ несчастнымъ происшествіемъ 14-го де-
кабря 1825 года, въ которомъ пищущій, къ несчастію,

былъ самымъ фанатическимъ участникомъ. Затѣмъ перенесутъ его въ мрачное уединеніе каземата Петропавловской крѣпости и въ отдаленные страны Сибири и Кавказа, въ среду людей всѣхъ слоевъ общества. Въ Воспоминаніяхъ этихъ читатель также увидѣть, какъ люди съ прекрасными чувствами и стремленіями, мгновенно выступившіе на политическое поприще и также мгновенно, хотя и небезслѣдно, исчезнувшіе, могли сознательно усвоить и принять коварное іезуитское правило „цѣль освящаетъ средства“.

Небезынтересно будетъ также увидѣть, какъ много можетъ природа человѣка перенести, какъ можетъ со всякою жизнью примириться, ко всему привыкнуть и ужиться съ людьми всѣхъ положеній; и какъ люди, лишенные всѣхъ гражданскихъ правъ, при полномъ изверженіи изъ своей прежней высокой среды, при всѣхъ лишеніяхъ въ странахъ пустынныхъ и дикихъ, могли сохранить все спокойствіе духа и достоинство человѣка, развивать благотворную дѣятельность въ тѣхъ тѣсныхъ кружкахъ, гдѣ были поставлены Провидѣніемъ, и большая часть лицъ, извѣстныхъ составителю этихъ „Воспоминаній“, вполнѣ сознали уже всю пагубу и всю ложь своихъ революціонныхъ идей. Сверхъ того, на пишущемъ эти воспоминанія лежитъ священный долгъ искренней исповѣди предъ отечествомъ и исторіей въ тѣхъ дѣйствіяхъ и заблужденіяхъ, которыя причинили столько несчастій, осиротили столько семействъ и, можетъ быть, примѣромъ своимъ увлекли и погубили столько молодыхъ людей, заразившихся жалкой игрою въ революцію. Кто знаетъ, быть можетъ эти „Воспоминанія декабриста“ отрезвятъ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ не-

прошеныхъ радѣтелей народа, который они стараются привести сперва въ скотообразное, а потомъ въ звѣринообразное состояніе, лишивъ его Бога, алтарей, семьи, всего святаго и благороднаго; а потомъ, возбудивъ къ самоистребленію посредствомъ грабежей, убийствъ, разврата—тѣмъ сдѣлать свое отечество легкой добычей западныхъ ненавистниковъ нашихъ, ихъ вождей, учителей и повелителей.

Но слава и хвала Всемогущему Защитнику Россіи Господу Нашему. Проникнутый православною вѣрою, православный народъ нашъ не допустить усиливаться этому адскому ученію, задушить его въ самомъ зародышѣ. Можетъ быть, поразмысливши, эти жалкія орудія тьмы увидятъ, что набирать для него въ Россіи пособниковъ—все то же, что набирать шайки невѣжественныхъ разбойниковъ, сподвижниковъ Стеньки Разина и другихъ.

Оговорившись такимъ образомъ, смѣло передаю мои „Воспоминанія“ печати, если не красно, то, по крайней мѣрѣ, правдиво написанныя. Да послужатъ онѣ развлечениемъ для однихъ и назиданіемъ для другихъ. Можетъ быть въ нихъ найдутся какія нибудь невѣрности хронологической или исторической, такъ какъ онѣ занимаютъ большой періодъ времени и многое могло забыться, то прошу любителей старины исправить ихъ: все видѣнное и испытанное описано вѣрно, но можетъ быть не столько вѣрно слышанное.

Москва, 21-го февраля 1879 г.

А. П. Бѣляевъ.

„Воспоминанія“ Александра Петровича Бѣляева, имѣвшаго несчастіе быть сосланнымъ въ 1826 году, въ

числѣ главныхъ лицъ, въ Сибирь за участіе въ такъ называемой „декабрьской“ смутѣ 1825 года,—были про читаны въ рукописи извѣстнымъ нашимъ писателемъ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Читая эти „Вос поминанія“, онъ какъ свидѣтельствуетъ ихъ авторъ, „сдѣ лалъ на поляхъ рукописи много отмѣтокъ; согласно съ ука заніями гр. Л. Н. Толстаго, пишетъ г. Бѣляевъ, я сдѣлалъ необходимыя прибавленія того, что мною было упущено. Онъ же и поощрилъ меня къ изданію этихъ Воспоминаній, начатыхъ много лѣтъ тому назадъ съ единственою цѣлью помянуть сердечнымъ, благодарнымъ словомъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми сводила судьба въ различныхъ об стоятельствахъ жизни и которыхъ прекрасныя, возвы шенные чувства и добродѣтели восторгали меня и плѣ няли мое сердце. Эти-то, какъ я думалъ, благородные образы, будучи выведены изъ забвенія давно минувшихъ временъ, должны имѣть благотворное вліяніе на лю дей способныхъ понимать и усвоивать прекрасное“.

I.

Посвящается памяти родителей.

Мой отецъ. — Лабзинъ. — Довѣріе императрицы Маріи Феодоровны къ моему отцу.—Управлениe селомъ Ершово графа А. К. Разумовскаго.—Характеръ и привычки отца.—Смерть отца. — Доброта гр. А. К. Разумовскаго.—Моя мать.

1803—1810.

Начну, какъ начинаютъ романисты: я родился „отъ бѣдныхъ и благородныхъ родителей“. Отецъ мой, прослуживъ тридцать пять лѣтъ въ военной службѣ при Екатеринѣ II и Павлѣ, вышелъ въ отставку уже при Александрѣ I. Онъ служилъ въ рязанскомъ пѣхотномъ полку, дѣлалъ турецкія и шведскія кампаніи и былъ георгіевскимъ кавалеромъ. По преданію, дошедшему до насть, дѣтей его (мнѣ было семь лѣтъ, когда онъ скончался), это былъ человѣкъ чрезвычайно твердый, мужественный и прямой, нетерпѣль лжи, хитрости, любилъ правду до фанатизма и слово его было свято.

По смерти его отца, а моего дѣда, екатерининского секундъ-маиора, по разсказамъ матушки, онъ былъ дядею по матери взятъ на воспитаніе, потомъ опредѣленъ имъ на службу солдатомъ въ полкъ, которымъ онъ ко-

мандовалъ, и отецъ мой съ пятнадцати лѣтъ уже сталъ дѣлать походы. Дядя его былъ суровый, строгій, непреклоннаго характера начальникъ и хотѣлъ съ раннихъ лѣтъ пріучить его ко всѣмъ трудамъ и тягостямъ нашей русской богатырской военной службы. Отецъ рассказывалъ, что часто до крови растиралъ себѣ во время похода ноги и не смѣлъ заикнуться обѣ этомъ. Для своего времени, отецъ мой былъ очень образованнымъ человѣкомъ, превосходно зналъ нѣмецкій языкъ, нѣмецкую литературу, а также, какъ видно, усвоилъ отчасти и нѣмецкую философію того времени. Послѣ него осталась порядочная библіотека нѣмецкихъ сочиненій, англійскія же и французскія были въ переводѣ нѣмецкомъ или русскомъ; книги эти указывали на его любознательность и серьезное направленіе его ума. Вѣроятно, вслѣдствіе тогдашняго мистическаго настроенія, онъ былъ масономъ и одно время секретаремъ въ ложѣ Лабзина и его другомъ. Между близкими ему масонами были: Поздѣевъ, графъ Разумовскій, князь Гагаринъ, Звѣревъ, Грабе, другихъ не припомню. Помню, что когда я былъ въ отпуску въ 1820 и 1821 годахъ, матушка получала письма отъ Лабзина изъ Пензы, куда онъ потомъ былъ переведенъ, высланный изъ Петербурга, кажется, въ Пермь, за то, что бывъ вице-президентомъ академіи художествъ, подалъ голосъ противъ принятія „почетнымъ членомъ“ графа Аракчеева, котораго пріемъ мотивировали близостью къ государю, на что будто бы онъ возразилъ, что Ильюшка кучеръ тоже близокъ къ государю. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда всѣ говорили о немъ. Мнѣ известны только нѣкоторыя черты его характера, слышанныя отъ матушки мною.

Такъ, онъ самъ вполнѣ сознавалъ рѣзкость и строптивость своего характера, и какъ онъ былъ человѣкъ весьма религіозный, то говоривалъ: „если бы не вѣра и не благодать Господа, то я былъ бы подобенъ сатанѣ“. Отецъ, какъ мнѣ передавали, имѣлъ на него сильное и умѣряющее вліяніе; по общему голосу того времени, это былъ мужественный поборникъ правды и добра.

Несмотря, однакожъ, на преданность отца моего нѣмецкой и вообще европейской культурѣ, онъ былъ русскимъ православнымъ человѣкомъ и добрымъ христіаниномъ, съ твердою и пламенною любовью къ Богу. Когда я, бывъ въ отпуску 17-ти лѣтнимъ офицеромъ, выпущеннымъ изъ морскаго корпуса, посѣтилъ многихъ изъ его близкихъ знакомыхъ и друзей, то всѣ помнившіе его мужчины и дамы съ увлеченіемъ говорили мнѣ о его высокихъ качествахъ и о его увлекательномъ краснорѣчіи, когда онъ говорилъ о Богѣ. Слыша такие восторженные отзывы о немъ, я не могъ не гордиться такимъ отцемъ и не принять его за свой идеалъ, хотя для меня и недоступный! Онъ былъ горячимъ патріотомъ, и когда-то однажды вечеромъ, читая въ газетахъ о созывѣ ополченія въ 1805 году, сказалъ матери нашей: „ну, мой другъ, если одна непріятельская нога переступить нашу границу, я снова вступаю въ военную службу“.

По выходѣ изъ военной службы, онъ поступилъ въ гражданскую, въ учрежденіе императрицы Маріи Феодоровны, которая очень цѣнила его за правдивость и честность и даже удостоивала его своею особеною довѣренностью. Такъ, однажды, когда дошли до нея слухи о какихъ-то злоупотребленіяхъ какого-то значительнаго

лица, она призвала отца и просила его сказать ей всю истину, будучи уверена—какъ сама выразила ему—что услышить отъ него одну правду. Отецъ, не обвиняя и не защищая это лицо, отвѣчалъ императрицѣ, что, не имѣя фактическихъ доказательствъ, которыхъ обязывали бы его прямо открыть злоупотребленія, онъ ничего не можетъ сказать въ такомъ важномъ обвиненіи, особенно предъ ея величествомъ. Императрица поняла это благородное молчаніе и сказала, что еще болѣе уважаетъ его за такія прекрасныя правила.

Съ своими строгими правилами онъ не хотѣлъ долго оставаться на службѣ и вышелъ въ отставку въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Импѣратрица очень сожалѣла о его выходѣ; а какъ она цѣнила его, представляю слѣдующій фактъ. Когда мать моя, оставшись вдовою съ многочисленнымъ семействомъ, просила о пенсіи за 35-ти лѣтнюю военную службу отца и долго не могла получить ее, императрица, стороной узнавши объ этомъ ходатайствѣ, отъ себя, безъ всякаго прошенія, положила ей 1,000 руб. асс. пенсіи и послѣдняя сестра моя, дѣвица, получала ее до самой смерти. Я не говорю уже о томъ, что она крестила одну изъ сестеръ моихъ и меня.

По выходѣ моего отца изъ службы, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, хорошо его знавшій, предложилъ ему управление своими обширными имѣніями въ Цензенской и Тамбовской губерніяхъ. Тутъ выказались и экономическая способности отца моего, такъ что въ теченіи пятилѣтняго управлениія, онъ значительно увеличилъ доходы въ имѣніи, несмотря на то, что, по своимъ христіанскимъ правиламъ, обращалъ особенное вниманіе на хозяйство крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ

благосостояніе. Онъ, какъ рассказывали крестьяне, скорѣе прощалъ, если встрѣчалъ небрежность на барщинской работе, нежели на собственно крестьянской. Онъ былъ очень строгъ, но въ то же время справедливъ, добръ, сострадателъ, такъ что память о немъ долго сохранялась въ народѣ. Обычныхъ праздничныхъ приношеній управителямъ онъ не терпѣлъ и совершиенно вывелъ этотъ обычай крѣпостного быта. Изъ Петербурга онъ съ семействомъ перѣхалъ въ Пензенскую губернію, въ село Ершово, чембарского уѣзда, близъ границы кирсановскаго, гдѣ находилось вотчинное управление.

Мы поселились въ большомъ управительскомъ домѣ, который стоялъ въ центрѣ села Ершова. Расположеніе дома было обыкновенное; изъ прихожей со двора входили въ большой довольно залъ, изъ зала нальво былъ кабинетъ отца, а влѣво изъ кабинета была спальня, у дверей которой по ночамъ всегда спалъ Валерка, бѣлая лягавая собака отца, жившая замѣчательно долго, до 26-ти лѣтъ. Направо залы была гостиная, а нальво семейныя комнаты и дѣтскія.

Первые годы моего дѣтства, отъ 2-хъ до 7-ми лѣтъ, прошли въ этомъ домѣ. Отецъ мой много читалъ и занимался, по утрамъ въ конторѣ, а по вечерамъ дома. Овъ частоѣзжалъ по полямъ и другимъ работамъ, такъ какъ въ имѣніи были большіе посѣвы, иногда верхомъ, а иногда въ дрожкахъ, и, въ этомъ случаѣ, бралъ меня съ собой. Въ этихъ поѣздкахъ за нимъ всегда слѣдовалъ казакъ; казаки эти назначались къ управляющимъ въ родѣ вѣстовыхъ изъ Малороссіи, гдѣ у графа Разумовскаго были большія имѣнія. Отецъ очень заботился

объ устройствѣ имѣнія; на рѣкѣ Воронѣ построилъ большую каменную мельницу; построенный имъ оранжереи, кажется, сохранились донынѣ. Въ 12-ти верстахъ былъ заводъ винокуренный подъ управлениемъ г-на Мирошевскаго, а также и конный заводъ. Ершовское имѣніе было барское, въ полномъ смыслѣ слова; тутъ было все: и рѣдкія фруктовыя деревья въ оранжереяхъ, и на берегу рѣки садъ съ испанскими вишнями, теплицы, парники, всевозможныя мастерскія: слесарня, столярная, каретная и ткацкая. Для прїѣзда графа, былъ большой, хотя одноэтажный домъ изъ двадцати комнатъ, съ богатою мебелью и всѣми принадлежностями: флигелями для прїѣзжихъ, превосходной баней, со всѣми приспособленіями при ней, комнатами для отдохновенія съ диванами, кушетками и дорогими коврами, и все это только на случай прїѣзда графа, который при отцѣ не былъ ни разу. Помню, что однажды прїѣзжалъ одинъ изъ сыновей графа, и помню, что онъ, разсердившись на что-то на человѣка, велѣлъ для экзекуціи привязать его къ столбу, къ которому привязывали лошадей, но отецъ, увидѣвъ эти приготовленія изъ окна, тотчасъ пошелъ къ нему и экзекуціи не было.

Отецъ устроилъ также въ Чернышовѣ, верстъ 8 отъ Ершова, восковой заводъ, который очень занималъ его. Онъ самъ дѣлалъ пробу восковымъ свѣчамъ, разставляя ихъ въ кабинетѣ на столахъ; и помню, что въ это время мы уже не смѣли войти въ эту комнату, чтобы малѣйшее колебаніе воздуха не мѣшало правильному горѣнію. Мы, дѣти, очень боялись его, такъ какъ онъ былъ строгъ, но вмѣстѣ съ этимъ чтили и любили его безмѣрно. Когда, послѣ обѣда, онъ отдыхалъ, мы всѣ